

в себе тенденций ни матриархата, ни маскулинизации женщины. Во-вторых, как идея цивилизационной эволюции мужского социума — освобождения его от рудиментов первобытности, сотрясающих мир по сей день (войны, драки, хулиганство, жестокость как вид развлечения, любовь как насилие). Согласно этим представлениям, мужской социум может сохранить свое доминирование в мире, если перестанет, наконец, его терроризировать.

Мужское начало человеческой цивилизации еще античные греки персонифицировали в образе Хроноса, рождающего и пожирающего своих детищ. Из всего, что создал этот бог для собственного пропитания, он подавился только египетскими пирамидами и китайской стеной, обломал зубы о ряд других колоссальных сооружений, хотя аппетита это ему не испортило, и когда он трапезничает, именно мужчины прислуживают ему.

Стремясь к гендерному равенству, женщины вовсе не хотели разрушить Брак и Семью, им просто надоело веками тикающий хронометр агрессии и насилия. И есть сильные сомнения в том, что идея превалирования женского начала в дальнейшем развитии цивилизации проливает елей на женские сердца. Интуиция женщины

по поводу этой теории наводит ее на мысль, что, наигравшись женщинами, мужчина теперь непрочь сам поиграть в женщину.

Женская мудрость гласит: мужчина — большой ребенок. А если ребенок не играет, то он болен. Пусть играет, но только не в войну, не в Казанову и, упаси господь, не в слабый пол.

Неагрессивные способы реализации конкурентно-завоевательного потенциала мужчины — вот что должно стать конструктивным началом дальнейшего развития цивилизации. «Гениальность — вторичный половой признак мужчины» — говорил русский физиолог И. Мечников. И, может, пора сосредоточиться на культивировании этого вторичного признака, чтобы первичные не утратили своего фундаментального значения?

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ГРАЖДАНИН МЕЖДУ ХОЛИЗМОМ И РОБИНЗОНАДОЙ

М.А. Фадеичева

Фадеичева Марианна Альфредовна — кандидат философских наук, доцент, докторант Института философии и права УрО РАН.

Национальная и этническая идентичность связана с политической проблемой государственного устройства РФ, для которой эта проблема не решена. РФ досталось устаревшее государственное устройство, основанное на смешении двух принципов: территориального и этнотерриториального. Поэтому выяснение соотношения национальной и этнической идентичности носит не только культурологический, но и политологический характер. Поиски этнической идентичности выходят за рамки личного дела гражданина, подмена национальной идентичности этнической чаще всего становится «общим делом» этнических политических элит, служит средством мобилизации масс и манипуляции ими. В современной России эта проблема носит особо острый характер в связи с тем, что касается она не только и не столько процесса социализации личности и самоопределения индивида, сколько процесса социальной трансформации и постсоветских политических реалий.

Многозначность идентичности.

Русскоязычная гуманитарная наука часто пользуется заимствованными терминами, которые переводятся то с греческого, то с латыни, то с европейских языков. Термин «идентичность» широко вошел в словарь гуманитарных наук и в междисциплинарные исследования с конца 70-х годов XX века, что связано с именем Э. Эриксона. Советская гуманитарная наука восприняла этот иностранный термин примерно на десять лет позже. Особую актуальность он приобрел в 90-х годах в контексте проблемы этнической идентичности. Хотя эта проблема была сформулирована только в конце XX века, на всем его протяжении она оставалась актуальной

и перешла в XXI век в качестве нерешенной. Нельзя забывать, что термин «идентичность» — переводной, заимствованный. При переводе возникает ситуация многозначности термина. То, что произошло от лат. *identicus* — тождественный, одинаковый, получило много смыслов. Так, с английского *identity* переводят как тождественность, дословно — идентичность, как подлинность, и даже как личность, индивидуальность. Во французском *identité* — тождество, совпадение; *identique* — идентичный, тождественный, одинаковый, а также — равнозначный, аналогичный; *identifier* означает идентифицировать, отождествлять и, кроме того, опознавать.

Что же означает идентичность: тождественность, похожесть или подделку одного под другое? Проблема национальной и этнической идентичности не только не будет разрешена, но даже не будет правильно сформулирована до тех пор, пока наука и просвещенная общественность не избавится от «призраков познания», обнаруженных Ф.Бэконом еще в XVII веке. «Призраки рода», коренящиеся в самой природе человека, приводят к тому, что каждый, поскольку он — человек, заблуждается, опираясь на данные своих органов чувств. Этнодифференциация — видимое отличие других от себя ощущается более значительным, чем сходство. Когнитивный компонент этнической идентичности чаще всего представляется как этническая неосведомленность. Разум все привлекает для согласия с тем, что он однажды принял, — «поспешная индукция» приводит к возникновению предрассудков, ложных этнических стереотипов. (Любой брюнет с бородой — «лицо кавказской национальности». «N. — жадный. Он — украинец. Следовательно, все украинцы жадные»). «Призраки пещеры», заблуждения отдельного человека, приводят к субъективизму в познании. Положительный или отрицательный личный опыт кроссэтнической коммуникации определяет видение проблемы в целом. «Призраки рынка» порождаются общением. Наука, изучая повседневность и политику, начинает использовать их язык, употреблять понятия согласно разумению толпы. Понятия, в силу сложности их дефиниции, зачастую остаются интуитивно ясными. Например, не отождествляется, но перепутывается этническое и национальное. И, наконец, «призраки театра» — недостаток самой политической науки, которая сама себя вводит в заблуждение, некритически следуя ложным теориям, переписывая из одной книги в другую самое понятное, кажущееся бесспорным, ставшее *topos*, общим местом, принимаемым за аксиому.

Этнонационализм и национальная идентичность.

Одним из самых влиятельных «призраков театра» на протяжении всего XX века был и остается поныне этнонационализм. Если в 40-е годы XIX века К.Маркс и Ф.Энгельс в «Манифесте коммунистической партии» писали, что по Европе бродит призрак коммунизма, то в настоящее время по всему миру бродит призрак этнонационализма. Нельзя сказать, что все силы брошены на борьбу с этим призраком. Наоборот, он — пугало для обывателей и либералов, проявляет себя как надежное средство политических стратегий, весьма распространенный план политических действий. В теоретическом отношении ему способствуют рассуждения о нации, понимаемой в двух смыслах: как гражданской нации и как этнической нации. Для самой же теории этнонационализма нация существует только в одном — этническом смысле. Для нее гражданская общность может существовать только на

этнической основе, только гомогенная в этническом отношении популяция может претендовать на свою государственность. Теоретическая формула этнонационализма чрезвычайно проста: один этнос — одна территория — одно государство — одна нация. Этнонационализм оказывает возбуждающее и провоцирующее воздействие на теоретическое и обыденное сознание. Он менее всего склонен доказывать и убеждать, он возводит свои простые положения в ранг веры и предубеждает. Предмет веры рациональной критике не подлежит. Именно поэтому либеральная критика проигрывает этнонационализму.

Если ученые-политологи намерены прекратить либеральные заигрывания с этнонационализмом, а политики-практики намерены прекратить потворствовать этнонационалистическим и сепаратистским устремлениям, то необходимо четко разделить, но не противопоставлять нацию и этнос, национальное и этническое, национальную и этническую идентичность. Нацию следует понимать не как природную общность, но только как социально-политическое единство, как целое, предполагающее согласие в отношении основных социальных и политических ценностей и норм, как результат развития гражданского общества. Нация представляет собой особое качество популяции, не важно, гомогенной или гетерогенной в этническом отношении. Нация, как социально-политическая общность, имеет формальное основание для своего существования — гражданство. Однако формальное гражданство не обязательно означает наличие нации. Так же как совокупность формальных граждан не означает наличие гражданского общества, как системы самоорганизующихся самостоятельных организаций граждан, взаимодействующих с государством, с целью контроля над его деятельностью, которая должна осуществляться в интересах всего общества. Без гражданского общества формальный гражданин — гражданский атом, «Робинзон». Без гражданского общества нация не существует, а существует население (народонаселение) как территориальная общность, главная характеристика которого — это его количество. В отсутствие у населения гражданских качеств количество становится его главным достоинством.

Для индивида его гражданская идентичность означает наличие гражданских прав и обязанностей, формально фиксируемых в паспорте и прочих документах как гражданство. Во Всероссийской переписи населения 2002 г. присутствовал дидактический момент в отношении установления индивидом своей гражданской идентичности. В идеале гражданство и национальность, как принадлежность к нации, совпадают. Такое идеальное состояние фиксируется в заграничных паспортах россиян: *Nationality / гражданство — Russia / Россия*. Однако формальное гражданство не тождественно национальной идентичности. Формальное гражданство не исключает отсутствия гражданских качеств, проявляющихся в дистанцировании от государства, в нелояльности к государству, в уклонении от выполнения гражданских обязанностей, в аполитичности и апатриотизме. Гражданин — не только формальный статус, но особое качество, позволяющее создать нацию граждан. Национальная идентичность предполагает понимание гражданином единства интересов целого (России) и части (гражданина России), ощущение себя в качестве россиянина независимо от своей этнической идентичности.

Смысл этнической идентичности.

Идентичность можно понимать по-разному. Во-первых, можно понимать идентичность как тождественность. В этом контексте будет некорректным употребление понятия «этническая идентичность». Речь может идти только об индивидуальной идентичности. То есть индивид тождественен самому себе. Он — подлинный, настоящий, имеющий уникальное и целостное Я. «Я — это Я». Вопрос об индивидуальной идентичности возникает в детском возрасте как вопрос о причине: «откуда я появился?», «почему я — это я?». С детства сомнений в подлинности я, в тождественности я самому себе не возникает, главное — я есть. Если у индивида существуют сомнения в том, что он тождественен самому себе, тогда имеет место раздвоение личности как патологическое состояние.

Во-вторых, когда видится идентичность как подлинность, тогда поиски этнической идентичности ложатся в основу этнизма (этнического самолюбования и самообожания, представления об этнической культуре как о наилучшей по сравнению с другими, об этнической истории как о «великой», а не «равновеликой»), а также антигуманной теории, практики и обыденного функционирования этнонационализма: поиски «чистоты» крови, деление на «чистых» и «нечистых», «полукровок» и рафинированных, «гомогенных», «гетерогенных» и «этнически неопределенных» индивидов. Этническая идентичность индивида во многих культурных традициях определяется «по крови». Подлинность устанавливается в прагматических, утилитарных целях — либо по этнической идентичности отца, либо по этнической идентичности матери. В политическом отношении это связано с практикой создания государств на моноэтнической основе, с отождествлением этноса и нации, с разделением этносов на титульные и нетитульные, с этнической дискриминацией в различных ее формах. Этнос выступает по отношению к индивиду как примордиальная общность. Этническая идентичность в таком случае существует независимо от воли и сознания индивида, она присуща ему от рождения, может быть установлена объективно с помощью какого-то мерил («кровь», язык, внешность, вера и др.), которым обладает другой субъект (сосед, организация, государство). В советское время этническая идентичность в качестве объективной характеристики фиксировалась в паспортах, личных делах и прочих документах как «национальность». Знаменитый «5 пункт» служил поводом для «оргвыводов» и фактором индивидуальной мобильности. Если установленная этничность есть результат идентификации, приписывания индивида к общности (целому) по ряду объективных признаков: этнической принадлежности родителей, месту рождения, языку, культуре, то этническая принадлежность как подлинность означает всего лишь вхождение индивида в «номинальную группу», «условную группу», создаваемую для статистического учета населения. Здесь этническая принадлежность означает социальную категорию, искусственно созданную для статистического анализа групп населения, и по своему значению мало, чем отличается от других условных групп: «пассажиры пригородных поездов», «этнические русские», «покупатели пасты «Аквафреш» и проч.

В-третьих, можно выделить понимание идентичности как принадлежности. Тогда идентичность означает принадлежность индивида к какой-либо общности людей: это может быть принадлежность к полу, возрастной, профессиональной и проч. группе. Этническая идентичность как принадлежность

индивида к этнической общности означает не приписывание его «другими», «соседями», «органами» и проч. к общности, но субъективный выбор самого индивида, приписывание, причисление самого себя к некоему целому. Индивид независим от формального приписывания его кем-либо к общности, но осуществляет свой свободный выбор. Индивид, делая свой субъективный выбор, не лишенный объективных оснований, исходит из глубоко укорененного в бытии повседневности и в науке представления об этносе как реальной исторической общности людей. Для индивида этнос выступает как целое, существующее над ним, имеющее свое самостоятельное и самодостаточное существование. В основе этих представлений обнаруживается холизм — методологический принцип целостности, сформулированный Я.Смэтсом, согласно которому «целое больше, чем сумма его частей»; целое ценнее, чем любая из его частей. Об этом свидетельствует ставшее общепринятым понимание этноса как общности людей, основанной на одном или нескольких признаках: общность происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии.

Однако этнос представляет собой абстракцию большой степени общности, как, например, «млекопитающее». Никакого реального самостоятельного существования, кроме как посредством реального функционирования определенного количества отдельных людей, этнос не имеет. Этнос — это определенное количество людей, имеющих сходство во внешнем виде, языке и образе жизни. Условиями сходства могут быть природа внутренняя (генетически наследуемые соматические черты при всем их многообразии) и природа внешняя (территория, ландшафт, климат). В процессе этнической самоидентификации, приписывания себя к целому, индивид оказывается в ситуации робинзонады. Если индивид «чувствует» свою этническую принадлежность, то критерием служит только его интуиция. Если индивид «знает» о своей этнической принадлежности, то видит больше индивидуальных отличий, чем сходных этнических признаков. Общей территории для одного этноса практически нет, так как народы живут смешанно и чересполосно. Историческая судьба, во-первых, многим не известна, во-вторых, многие этносы разделяли в истории одну судьбу, в-третьих, более заметна общность актуального существования. Заставляет сомневаться общность языка, — социальные диалекты делают язык разобщенным до непонимания. Культура стратифицирована так же, как стратифицировано само общество. Образцы фольклора, народного костюма сосредоточены в музеях, а не в повседневности, обыватель не владеет и не пользуется ими. Большой процент безрелигиозно воспитанных, а также сторонников мировых религий, объединяющих верующих надэтнической вероисповедальной связью, устраняют религию как этнодифференцирующий признак. В поисках принадлежности к целому индивид — Робинзон, он один на один со своими поисками. «Матрешка идентичности» раскрывается, оставляя, в конце концов, неделимое Я, тождественное самому себе.

Этническая принадлежность — один из социальных статусов, которые имеет индивид в своем статусном наборе. Если этническая принадлежность определяет стиль и образ жизни, круг знакомых, манеру поведения, если она лучше всего характеризует индивида, именно она и является главным статусом.

Однако далеко не всегда этнический статус для индивида является главным. С одной стороны, этническая принадлежность выступает в качестве прирожденного статуса, если он устанавливается по этнической принадлежности родителей или родному (материнскому) языку. Поскольку индивид над этим не имеет контроля, такой статус становится приписываемым. С другой стороны, этническая принадлежность может рассматриваться как достигаемый статус, особенно там, где имеет место миксинг, многоязычие, кросскультурная коммуникация. Индивид реализует свою свободу выбора, получая этнический статус по собственному желанию или под давлением обстоятельств. На основе этнического статуса в соответствии с ожиданиями, ожиданиями людей, формируется модель поведения, ориентированная на выполнение определенных прав и обязанностей. В тех обществах, где этническое право не существует, или где гражданские права не зависят от официально установленной этничности, права и обязанности реализуются в приватной сфере — бытовых и культурных обычаях, морали. В соответствии с этническим статусом и формируется индивидуальное поведение — в числе других индивид играет свою этническую роль.

В качестве основы конструктивной внутригосударственной политики РФ заявлены права человека и гражданина. Для реализации этих прав

необходимо деполитизировать и приватизировать этничность, этническую идентичность, оставить это в качестве личного дела гражданина. Национальная идентичность — это общее дело. Формирование российской нации и утверждение российской национальной идентичности должно быть предметом общей заботы гражданина, гражданского общества и государства.

ПРИЗНАНИЕ – ВЫРАЖЕНИЕ СМЫСЛА ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К ЧЕЛОВЕКУ

(Начало в N1. Окончание)

М.А. Малышев

Социальное признание до такой степени доминирует над нашим сознанием, что порой нам кажется, что с изменением нашего общественного положения изменяется и содержание индивидуального бытия нашей личности. Но признание общественной значимости личности в настоящем не всегда говорит нам о её подлинной ценности. Что исторически представляет собой человек, каковы последствия его действий и масштаб его общественного вклада, в значительной мере зависит от будущего, которое в известном смысле является цензором, оценивающим его поступки, квалифицирующим его усилия, одобряющим результаты его свершений, присуждающим ему премию или выносящим наказание в зависимости от шкалы ценности, которая превалирует в настоящем. Настоящее всегда трансформирует прошлое в свете ценностей будущего. Прошлое постоянно подвержено переинтерпретации, исходя из того, что создается, мыслится или о чем мечтается в настоящем. Стало быть, проекты и ценности сегодняшнего дня выносят вердикт тому, находится ли известная фигура прошлого в соответствии с критериями настоящего или представляет собой изолированный фрагмент, архаический пережиток, противостоящий современным тенденциям.

Никакое знание о прошлом не позволяет нам судить об истории как о «складе», на котором хранятся формулы, способные дать нам ключ к решению

проблем, волнующих нас сегодня и позволяющих определить: кем мы являемся в истории и какую ценность история представляет для нас. Каждая эпоха дает свой ответ на этот вопрос, и никакой рецепт не может быть универсальным для того, кто живет в другие времена. Вероятно, может быть поэтом создается впечатление, что изучение истории никому не дает универсальной отмычки для открытия двери, ведущей в будущее, впечатление, которое по своему смыслу аналогично противоположному утверждению, а именно: из истории можно вывести все и что угодно. История — это не процесс овладения мудростью, из которой можно вывести практический императив, пригодный для всех времен и народов, но в аспекте, который нас волнует, мы всегда можем найти в историческом прошлом значения и ценности, которые сохраняют свой смысл и для настоящего. История — это не только ретроспектива, отправляясь от которой мы взираем на время из прошлого, но и перспектива, исходя из которой мы взираем на время из будущего, т. е., будущее определяет конфигурацию значения и ценности агентов прошлого.

Люди, живущие в настоящем, связаны с будущим посредством своих целей, идеалов, прогнозов и утопий, которые в известном смысле направляют их повседневную деятельность и сообщают им определенный смысл. Ясно, что все эти планы и проекты подвержены модификации или опровержению.